

Федеральное государственное казенное образовательное учреждение
высшего образования «Сибирский юридический институт Министерства
внутренних дел Российской Федерации»

Кафедра уголовного процесса

Специальность 40.05.02 Правоохранительная деятельность (специализация
Оперативно-розыскная деятельность, профиль образовательной программы –
Деятельность подразделений по контролю за оборотом наркотиков),
форма обучения заочная

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

по теме:

**«ПРАВО НА ЗАЩИТУ ДО ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА:
НОРМАТИВНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ
ПРАКТИКА»**

Выполнил:

Слушатель учебной группы П-2011
старший лейтенант полиции

Князев Константин Константинович

Руководитель:

Доцент кафедры

уголовного процесса

кандидат юридических наук

Монид Марина Владимировна

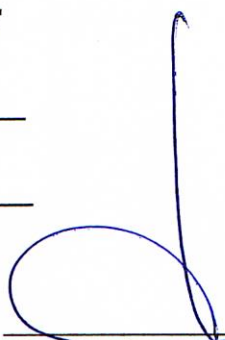
Дата защиты:

«21» апреля 2026 г

Оценка: хорошо

Председатель ГЭК

полковник милиции
(специальное звание)

(подпись)

A.I. Knyazev

(инициалы, фамилия)

Красноярск 2026

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПРАВА НА ЗАЩИТУ ДО ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА	7
§ 1. Понятие и содержание права на защиту в уголовном судопроизводстве	7
§ 2. Конституционные и международно-правовые основы обеспечения права на защиту до возбуждения уголовного дела	18
§ 3. Отраслевое нормативное регулирование участия защитника в стадии возбуждения уголовного дела	21
ГЛАВА 2. ПОРЯДОК ВОВЛЕЧЕНИЯ ЗАЩИТНИКА И ЕГО ПОЛНОМОЧИЯ В СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА	28
§ 1. Субъекты права на защиту и основания участия защитника в стадии возбуждения уголовного дела	28
§ 2. Способы вовлечения защитника в стадии возбуждения уголовного дела .	33
§ 3. Полномочия защитника в стадии возбуждения уголовного дела	38
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	44
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	49

Актуальность темы исследования обусловлена фундаментальным значением права на защиту в системе конституционных гарантий личности и его особой ролью в обеспечении справедливого уголовного судопроизводства. Право на получение квалифицированной юридической помощи, закрепленное в статье 48 Конституции Российской Федерации¹, представляет собой одну из важнейших гарантий защиты прав и свобод человека и гражданина в сфере уголовной юстиции.

Право на защиту представляет собой основополагающее право, имеющее решающее значение для взаимодействия гражданина с правоохранительными органами. Каждый человек, обвиненный в совершении преступления, должен иметь все возможности защищать себя лично или через посредство выбранного им самим защитника или, если у него нет достаточных средств, иметь назначенного защитника бесплатно. Примечательно, что российский законодатель по пути предоставления права на защиту пошел еще дальше, наделив им не только подозреваемого или обвиняемого, но и лицо, в отношении которого на стадии возбуждения уголовного дела проводятся процессуальные действия, затрагивающие его права и свободы.

Участие защитника в уголовном судопроизводстве является неотъемлемым элементом состязательного процесса, обеспечивающим баланс между функцией защиты и обвинения. Квалифицированная правовая помощь защитника способствует установлению истины по уголовному делу, предотвращению судебных ошибок и обеспечению законности при производстве по уголовным делам. Особую значимость институт защиты приобретает на начальных стадиях уголовного процесса, когда закладываются

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 15.09.2025).

основы будущего судебного разбирательства и формируется доказательственная база.

Стадия возбуждения уголовного дела занимает особое место в системе уголовного судопроизводства, поскольку именно на этом этапе происходит первоначальная оценка сообщения о преступлении и принимается решение о возбуждении уголовного дела. В рамках данной стадии могут проводиться различные процессуальные действия, результаты которых в значительной степени определяют исход всего уголовного дела.

Своевременное вовлечение защитника в уголовно-процессуальные правоотношения на этом этапе имеет принципиальное значение для обеспечения эффективной защиты прав и законных интересов лица, в отношении которого осуществляется проверка сообщения о преступлении. Однако, современная правоприменительная практика свидетельствует о наличии существенных проблем в обеспечении права на защиту в стадии возбуждения уголовного дела.

Актуальность исследования усиливается динамичным развитием уголовно-процессуального законодательства и изменениями в правоприменительной практике. Федеральным законом от 4 марта 2013 года № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»¹ были внесены значительные изменения в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ)², касающиеся участия защитника в стадии возбуждения уголовного дела.

Однако анализ судебной практики показывает, что многие вопросы, связанные с реализацией права на защиту на данной стадии, остаются дискуссионными и требуют дальнейшего научного осмысления.

Особую актуальность приобретают вопросы определения круга лиц, имеющих право на защиту в стадии возбуждения уголовного дела, момента

¹ О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 9. Ст. 875.

² Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ : принят Гос. Думой Российской Федерации 22 ноября 2001 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52. Ч. 1. Ст. 4921.

возникновения такого права, а также объема полномочий защитника на данном этапе уголовного судопроизводства. Неоднозначность нормативного регулирования этих вопросов порождает различные подходы в правоприменительной практике и создает предпосылки для нарушения прав участников уголовного процесса.

Степень научной разработанности темы. Проблемы обеспечения права на защиту в уголовном судопроизводстве исследовались в работах таких ученых, как А.С. Александров, А.В. Гриненко, Л.В. Головкин, О.А. Зайцев, З.З. Зинатуллин, В.В. Золотых, А.П. Кругликов, Л.М. Карнозова, К.Б. Калиновский, И.Л. Петрухин, А.В. Победин, В.М. Савицкий, С.А. Синенко, А.В. Смирнов, В.А. Стрёмовский, М.С. Строгович, В.С. Шадрин, С.П. Щерба и др. Вместе с тем, специальных комплексных исследований, посвященных праву на защиту именно в стадии возбуждения уголовного дела, в современной науке недостаточно, что обуславливает научную новизну настоящей работы.

Цель исследования состоит в комплексном анализе правового регулирования и практики реализации права на защиту до возбуждения уголовного дела, выявлении существующих проблем и разработке предложений по их решению.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи:**

- исследовать теоретико-правовые основы права на защиту в уголовном судопроизводстве;
- проанализировать конституционные и международно-правовые основы обеспечения права на защиту до возбуждения уголовного дела;
- изучить нормативное регулирование участия защитника в стадии возбуждения уголовного дела;
- определить субъектов права на защиту и основания участия защитника в стадии возбуждения уголовного дела;
- исследовать способы вовлечения защитника и его полномочия в стадии возбуждения уголовного дела;

- выявить проблемы правоприменительной практики обеспечения права на защиту до возбуждения уголовного дела.

Объектом исследования являются общественные отношения, складывающиеся в процессе реализации права на защиту до возбуждения уголовного дела.

Предметом исследования выступают нормы уголовно-процессуального права, регулирующие участие защитника в стадии возбуждения уголовного дела, а также практика их применения.

Методика исследования. Методологическую основу исследования составляют общенаучные и специальные методы познания: диалектический, системно-структурный, формально-юридический, сравнительно-правовой, статистический, а также методы анализа и синтеза.

Нормативную основу исследования составляют Конституция Российской Федерации, международные правовые акты, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, федеральные законы, подзаконные нормативные акты и т.д.

Эмпирическую базу исследования составляют материалы судебной практики, решения Конституционного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации, статистические данные, результаты анализа правоприменительной деятельности органов предварительного расследования и судов.

Теоретическую основу исследования составили положения доктрины уголовного процесса о праве на защиту как конституционной гарантии и принципе уголовного судопроизводства, а также научные подходы к определению момента возникновения права на защиту при осуществлении процессуальных действий до возбуждения уголовного дела. Существенное значение для настоящего исследования имеют работы, в которых анализируется участие адвоката (как лица, оказывающего квалифицированную юридическую помощь) и защитника в ходе проверки сообщения о преступлении, выявляющие пробелы и внутренние противоречия нормативного регулирования, в том числе в части отсутствия надлежащей регламентации полномочий стороны защиты на рассматриваемой стадии и

трудностей правоприменения. Дополнительно учтены научные положения о содержании квалифицированной юридической помощи и гарантиях независимости адвокатской деятельности как предпосылке эффективной реализации права на защиту в уголовном судопроизводстве.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования сформулированных положений и выводов при подготовке методических рекомендаций для правоприменителей по обеспечению реализации права на юридическую помощь и права на защиту при проверке сообщения о преступлении, а также в учебном процессе при изучении вопросов обеспечения права на защиту и статуса участников уголовного судопроизводства. Предлагаемые направления совершенствования правоприменения и нормативной регламентации ориентированы на устранение выявленных пробелов и противоречий без трансформации действующей конструкции УПК РФ, то есть посредством уточнения и системного толкования уже существующих предписаний и формулировки практико-ориентированных разъяснений.

Структура работы обусловлена целью и задачами исследования. Выпускная квалификационная работа состоит из введения, двух глав, включающих шесть параграфов, заключения, списка использованной литературы.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПРАВА НА ЗАЩИТУ ДО ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

§ 1. Понятие и содержание права на защиту в уголовном судопроизводстве

Современное конституционное регулирование исходит из того, что гарантия получения квалифицированной юридической помощи носит универсальный характер и не сводится к судебному разбирательству. Конституция Российской Федерации закрепляет право каждого на получение

квалифицированной юридической помощи (ч. 1 ст. 48), а также предусматривает специальные гарантии пользования помощью адвоката (защитника) для задержанного, заключенного под стражу и обвиняемого (ч. 2 ст. 48)¹. Развитие указанных положений в уголовно-процессуальном законодательстве проявляется, в частности, в том, что лицам, участвующим в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении, должны быть разъяснены их права и обеспечена возможность осуществления этих прав в части, в которой соответствующие действия и решения затрагивают их интересы, включая возможность пользоваться услугами адвоката (ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ)².

В научной литературе обращается внимание на то, что указанная нормативная конструкция, с одной стороны, подтверждает допустимость обращения к адвокатской помощи уже на стадии проверки сообщения о преступлении, а с другой – оставляет дискуссионными вопросы о процессуальных формах, пределах и фактических гарантиях такого участия, что обуславливает неоднородность правоприменительной практики и требует специального анализа.

Право на защиту относится к числу базовых гарантий личности в уголовном судопроизводстве и выступает необходимым условием законности и принимаемых процессуальных решений. В отечественной процессуальной доктрине традиционно подчеркивается значение момента, с которого лицо получает реальные возможности влиять на формирование обвинения и защищать свои интересы. Так, В.В. Шимановский, анализируя институт привлечения в качестве обвиняемого, отмечал³, что именно с этого момента для лица формируется возможность воздействовать на дальнейшее развитие обвинения и реализовывать защитительную позицию.

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 15.09.2025).

² Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ : принят Гос. Думой Российской Федерации 22 ноября 2001 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52. Ч. 1. Ст. 4921.

³ Шимановский В.В. Привлечение в качестве обвиняемого на предварительном следствии. Л., 1983. С. 4.

Вместе с тем обеспечение права на защиту не может рассматриваться как вопрос, относящийся исключительно к судебному разбирательству. Конституционные гарантии квалифицированной юридической помощи и процессуальный принцип обеспечения права на защиту предполагают их реализацию во всем уголовном судопроизводстве, включая досудебные стадии, а также те процессуальные действия, которые совершаются до возбуждения уголовного дела и затрагивают права и свободы лица. Поэтому для настоящего исследования принципиальное значение имеет вопрос о юридических механизмах допуска представителя (адвоката) и/или защитника к участию в проверке сообщения о преступлении и о пределах их участия на этом этапе.

Право на защиту составляет фундаментальную основу реализации принципов справедливого правосудия и играет ключевую роль в функционировании правового государства. Одним из центральных аспектов данного права является способ его практического осуществления, что подчеркивает необходимость обеспечения равноправия сторон в уголовном процессе, что, в свою очередь, способствует поддержанию независимости позиций всех сторон уголовного процесса и предотвращению злоупотреблений со стороны правоохранительных органов.

В уголовно-процессуальной доктрине отсутствует единообразный подход к определению понятия и содержания права на защиту: авторы по-разному акцентируют его нормативную природу (как принцип уголовного судопроизводства), его субъектный состав и объем правомочий, включаемых в данную категорию.

В научной литературе право на защиту в уголовном процессе, как правило, раскрывается через совокупность гарантированных законом возможностей лица, в отношении которого осуществляется уголовное преследование, отстаивать свои интересы, опровергать подозрение (обвинение), заявлять ходатайства и жалобы, представлять доказательства и пользоваться юридической помощью, включая помощь защитника. При этом нормативный фундамент указанной гарантии формируется, с одной стороны, конституционным правом на получение квалифицированной юридической

помощи, а с другой – уголовно-процессуальным принципом обеспечения права на защиту¹.

Одновременно следует разграничивать право на защиту как институт уголовного судопроизводства и право на судебную защиту как конституционную гарантию восстановления нарушенных прав посредством обращения в суд. Последнее носит универсальный характер и распространяется на каждого человека независимо от гражданства. В конституционно-правовой литературе данное право рассматривается как самостоятельная гарантия, обеспечивающая доступ к правосудию и судебным механизмам защиты². Вместе с тем универсальность права на судебную защиту не означает тождественности его содержанию права на защиту подозреваемого и обвиняемого: указанные категории соотносятся как общая конституционная гарантия и специальный процессуальный институт, реализуемый в рамках уголовного судопроизводства.

В таком контексте право на защиту приобретает особую значимость и воплощает основной принцип правового государства в России, где права и свободы личности признаются высшей ценностью, а государственные органы несут ответственность за содействие правозащитной деятельности и восстановление нарушенных прав.

Н.Н. Печников выделяет право на защиту как важную составляющую уголовного процесса, что обуславливает разнообразие методов его реализации. Подозреваемые и обвиняемые имеют право защищать свои интересы как индивидуально, так и с привлечением профессионального защитника, что подчеркивает необходимость активного участия обвиняемого в механизмах защиты своих прав³.

С позиций функционального подхода право на защиту в уголовном судопроизводстве рассматривается как направленность комплекса процессуальных гарантий на противодействие уголовному преследованию и

¹ Висков Н. В. Право на защиту в уголовном процессе: содержание и юридические гарантии в системе некоторых религиозных связей // Научный журнал юридических исследований. 2017. № 12(14). С. 237.

² Михайлова Е. В. Конституционно-правовые гарантии права на судебную защиту и проблемы их реализации // Правовое государство: теория и практика. 2023. № 2(72). С. 47.

³ Печников Н.Т. Обеспечение подозреваемому и обвиняемому права на защиту / Н.Т. Печников. Тамбов. 2021. С. 67.

обеспечение возможностей лица отстаивать свои законные интересы. В рамках содержательного подхода право на защиту характеризуется как совокупность предусмотренных законом процессуальных возможностей подозреваемого и обвиняемого, реализуемых лично либо с помощью защитника (адвоката), включая использование предусмотренных законом средств для оспаривания подозрения (обвинения) и заявлений о наличии обстоятельств, влияющих на квалификацию деяния и ответственность¹. При этом уголовно-процессуальное законодательство закрепляет право на защиту не через легальное определение, а посредством установления принципа обеспечения права на защиту и его конкретизации в нормах, определяющих права подозреваемого и обвиняемого и полномочия защитника. Дополнительные ориентиры для правоприменения содержатся в разъяснениях Верховного Суда Российской Федерации, подчеркивающих действие принципа обеспечения права на защиту во всех стадиях уголовного судопроизводства, включая проведение процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении².

Другие исследователи проводят анализ содержания права на защиту, уделяя внимание конкретным полномочиям, предусмотренным уголовно-процессуальным законодательством, детализируя права подозреваемых и обвиняемых и устанавливая обязанности для остальных участников уголовного процесса³. Такой подход позволяет воспринимать право на защиту как систему эффективных процессуальных средств, функционирующих во взаимодействии сторон и синхронизирующих права одной стороны с обязанностями остальных участников процесса.

¹ Гладченкова С.В. Право на защиту в уголовном процессе России: теоретические основы и отдельные аспекты реализации // Вестник Воронежского института МВД России. 2022. № 3. С. 68.

² Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 июня 2015 г. № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.02.2026).

³ Абузова Е.А. Принцип обеспечения подозреваемому и обвиняемому права на защиту в уголовном процессе: сущность, отличие от смежных понятий // Молодой ученый. 2024. № 4(503). С. 235; Щербакова, П. М. Принцип обеспечения права на защиту в российском уголовном процессе // Уголовно-процессуальное право - уроки истории и проблемы сегодняшнего дня : сборник материалов Всероссийской научной студенческой конференции, Пермь, 25 декабря 2024 года. Пермь: Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2025. С. 134.

Таким образом, отметим, что существующие подходы к пониманию права на защиту взаимосвязаны и дополняют друг друга, формируя целостную картину восприятия данной правовой категории.

Защита прав предполагает наличие ряда ключевых аспектов, необходимых для обеспечения справедливости в судопроизводстве. К числу важнейших элементов можно отнести официальное признание правового статуса, выбор способа его реализации (посредством личного выступления или обращения к представителю), стремление оспаривать предъявляемые обвинения либо смягчать степень ответственности, а также определение процессуальных прав и обязанностей, способствующих осуществлению данного права.

Как видим, исследования, направленные на анализ сущности права на защиту через конкретные полномочия и обязанности участников процессуальных действий, обладают практической ориентацией. Подобный подход позволяет преобразовать абстрактное понятие права в конкретные процессуальные действия, включая право на ознакомление с материалами дела, возможность подачи ходатайств, представления доказательств, дачи показаний и оспаривания судебных решений. Четкое определение обязанностей следователя, дознавателя, прокурора и судей способствует надлежащей защите прав подозреваемого и обвиняемого и возлагает на государство ответственность за создание условий, обеспечивающих эффективное осуществление данного права.

При этом, хотелось бы отметить, что суть права на защиту значительно превосходит простую гарантию; оно является важнейшим компонентом состязательности сторон, содействует равенству перед законом, препятствует произволу и судебным ошибкам, а также способствует формированию доверия общества к судебной системе. В условиях недостаточного соблюдения права на защиту уголовное судопроизводство рискует утратить свою легитимность, превращаясь в инструмент, который используется для репрессий, находящихся в противоречии с необходимостью установления истины по уголовному делу.

Уголовно преследуемое лицо имеет право на защиту, и никто не может его в этом ограничивать, так как это не запрещено ни Конституцией РФ, ни УПК РФ, более того поддерживаются в рамках принципов обеспечения права на защиту и состязательности в уголовном процессе. Но, как было отмечено в вышеперечисленных законодательных актах, это нужно делать в рамках дозволенного и только по закону, не превышая пределы, поскольку переход за эти границы будет считаться незаконными методами защиты.

Таким образом, можно сделать вывод, что право на защиту является своего рода:

1) одним из основополагающих принципов уголовного судопроизводства;

3) самостоятельной деятельностью гражданина, подозреваемого или обвиняемого, либо осуществляемой при участии защитника.

Вопросы конституционно-правовых гарантий права на защиту нашли отражение и в правовых позициях Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ. Так Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно указывал (определения от 17 декабря 2009 года № 1622-ОО¹, от 29 мая 2012 года № 1014-О, от 24 сентября 2012 года № 1617-О², от 28 мая 2013 года № 799-О³, от 29 сентября 2015 года № 1854-О⁴, от 28 января 2016 года № 114-О⁵

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 17 декабря 2009 г. №1622-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Афанасенко Сергея Владимировича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 52 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» - URL : <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1694208/> (дата обращения: 11.08.2025).

² Определение Конституционного Суда РФ от 24 сентября 2012 г. № 1617-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Федыны Евгения Николаевича на нарушение его конституционных прав положениями статей 50, 51, 52, 72 и пункта 1 части второй статьи 75 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». - URL: <https://base.garant.ru/70242898/> (дата обращения: 11.08.2025).

³ Определение Конституционного Суда РФ от 28 мая 2013 г. №799-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Федорова Николая Николаевича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 52 и частью первой статьи 72 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, частью третьей статьи 18 Уголовного кодекса Российской Федерации». - URL : <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70299824/> (дата обращения: 11.08.2025).

⁴ Определение Конституционного Суда РФ от 29 сентября 2015 г. №1854-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Меньшенина Евгения Сергеевича на нарушение его конституционных прав статьями 51 и 52 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». - URL: <https://base.garant.ru/71219364/> (дата обращения: 11.08.2025).

⁵ Определение Конституционного Суда РФ от 28.01.2016 №114-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Бартковского Олега Брониславовича на нарушение его

и от 27 февраля 2018 года № 261-О¹), что «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации прямо закрепил право подозреваемого, обвиняемого отказаться от помощи защитника в любой момент производства по уголовному делу (ч. 1 ст. 52 УПК РФ), пригласить другого защитника или несколько защитников (ч. 1 ст. 50 УПК РФ), установил случаи обязательного участия защитника в уголовном судопроизводстве и обязанность дознавателя, следователя и суда обеспечить участие защитника в форме его назначения при неявке приглашенного защитника в установленный законом срок (чч.3,4 ст. 50, ст. 51 УПК РФ). При этом «постановление о назначении защитника не влечет отстранения от участия в деле защитника, приглашенного подозреваемым, обвиняемым, его законным представителем, а также другими лицами по поручению или с согласия подозреваемого, обвиняемого» (определение от 28 июня 2018 года № 1409-О²).

В свою очередь Верховный Суд Российской Федерации раскрывает свою позицию по вопросам обеспечения подозреваемому (обвиняемому) права на защиту в постановлении от 30 июня 2015 г. №29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве»³. Согласно п. 1 данного постановления «обеспечение права на защиту является одним из принципов уголовного судопроизводства, действующих во всех его стадиях. В силу этого правом на защиту обладают:

- лицо, в отношении которого осуществляются затрагивающие его права и свободы процессуальные действия по проверке сообщения о преступлении в порядке, предусмотренном статьей 144 УПК РФ;

конституционных прав частью второй статьи 52 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». - URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-28012016-n-114-o/> (дата обращения: 11.08.2025).

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 27 февраля 2018 г. №261-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Петушкова Романа Григорьевича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 52 и частью первой статьи 88 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». - URL: <https://base.garant.ru/71905094/> (дата обращения: 11.08.2025).

² Определение Конституционного Суда РФ от 28 июня 2018 г. № 1409-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Зубкова Дмитрия Борисовича на нарушение его конституционных прав частью четвертой статьи 50 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». - URL: <https://base.garant.ru/71990408/> (дата обращения: 11.08.2025).

³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 июня 2015г. №29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве» // Бюллетень Верховного суда Российской Федерации. 2015. №9.

- подозреваемый;
- обвиняемый;
- подсудимый;
- осужденный;
- оправданный;
- лицо, в отношении которого ведется или велось производство о применении принудительных мер медицинского характера;
- несовершеннолетний, к которому применена принудительная мера воспитательного воздействия;
- лицо, в отношении которого уголовное дело или уголовное преследование прекращено;
- лицо, в отношении которого поступил запрос или принято решение о выдаче;
- любое иное лицо, права и свободы которого существенно затрагиваются или могут быть существенно затронуты действиями и мерами, свидетельствующими о направленной против него обвинительной деятельности, независимо от формального процессуального статуса такого лица».

В заключение отметим, что право на защиту относится к числу базовых гарантий личности в уголовном судопроизводстве и имеет двойственную нормативную природу: с одной стороны, оно опирается на конституционное право каждого на получение квалифицированной юридической помощи, с другой - конкретизируется как уголовно-процессуальный принцип обеспечения права на защиту и как система процессуальных правомочий лица, в отношении которого осуществляется уголовное преследование. Осуществление данного права предполагает предоставление лицу реальных возможностей противодействовать подозрению (обвинению), пользоваться юридической помощью и защищать свои законные интересы в предусмотренных законом формах.

Ключевое значение для настоящего исследования имеет то, что фактическое вовлечение лица в сферу уголовного преследования возможно до вынесения решения о возбуждении уголовного дела. На этапе проверки

сообщения о преступлении допускается проведение процессуальных действий, затрагивающих права и свободы конкретного лица; в связи с этим законодатель прямо предусматривает возможность пользования услугами адвоката лицами, участвующими в таких действиях. Вместе с тем правоприменительная практика показывает, что наличие указанного предписания не всегда обеспечивает его эффективную реализацию: сохраняются проблемы определения процессуальных оснований допуска адвоката, объема его участия и недопустимого «смещения» статуса адвоката как лица, оказывающего юридическую помощь, со статусом защитника как участника процесса, действующего в интересах подозреваемого или обвиняемого.

При решении вопроса о моменте возникновения гарантий защиты подлежит учету правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации, согласно которой право на помощь защитника (и соответствующие процессуальные гарантии) не может быть поставлено в зависимость исключительно от формального признания лица подозреваемым либо обвиняемым и возникает с того момента, когда в отношении лица фактически осуществляются меры или действия, свидетельствующие о направленности уголовного преследования и затрагивающие его права и свободы¹. Указанный подход имеет принципиальное значение для стадии, предшествующей возбуждению уголовного дела: если действия государственных органов по своему характеру и последствиям приобретают «обвинительный» (преследовательский) смысл, обеспечение гарантий защиты должно быть реальным, а не формальным.

Одновременно необходимо разграничивать право на защиту и право на квалифицированную юридическую помощь. Правом на квалифицированную юридическую помощь (как конституционной гарантией) обладают не только подозреваемый и обвиняемый, но и иные участники уголовного судопроизводства (например, заявитель, свидетель, потерпевший).¹ При этом

¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27.06.2000 № 11-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 УПК РСФСР в связи с жалобой гражданина В.И. Маслова» // Собрание законодательства РФ. 2000. № 27. Ст. 2882.

право на защиту в уголовно-процессуальном смысле предполагает именно противодействие уголовному преследованию и реализуется в связи с наличием подозрения (обвинения) либо фактической направленностью процессуальных действий против конкретного лица. Следовательно, не представляется обоснованным искусственно расширять сферу применения статуса защитника за счет включения в нее всех ситуаций «юридической помощи» на стадии возбуждения уголовного дела; более корректным является обеспечение доступа к адвокату в порядке, предусмотренном УПК РФ, с одновременным строгим соблюдением критериев возникновения именно права на защиту.

С учетом изложенного предложения по совершенствованию регулирования и практики должны носить системный и “нереволюционный” характер, то есть устранять выявленные неопределенности без разрушения действующей конструкции УПК РФ.

Целесообразно рассмотреть:

1) уточнение порядка реализации положения о праве пользоваться услугами адвоката при проверке сообщения о преступлении - в части обязанности должностного лица разъяснять это право до начала соответствующего процессуального действия и фиксировать разъяснение в процессуальном документе;

2) закрепление запрета требовать от адвоката и доверителя документы, не предусмотренные законом, при его допуске к участию, - по аналогии с подходом, отраженным в правовых позициях Верховного Суда Российской Федерации¹;

3) разработку и внедрение единообразных методических рекомендаций для правоприменителей, ориентированных на своевременное выявление ситуаций фактического уголовного преследования и незамедлительное

¹ Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2020) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 22.07.2020) (п. 52) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.02.2026).

обеспечение гарантий защиты по критериям, сформулированным Конституционным Судом Российской Федерации¹.

При этом представляется избыточным введение «легального определения» понятия «защита» в статье 5 УПК РФ: содержание права на защиту уже раскрывается посредством принципа обеспечения права на защиту и системы норм, определяющих права подозреваемого и обвиняемого, а также полномочия защитника. Попытка сформулировать отдельную дефиницию неизбежно создаст риск конкуренции понятий и несогласованности с действующими нормами (в первую очередь со статьей 49 УПК РФ), что противоречит задаче повышения системности регулирования.

§ 2. Конституционные и международно-правовые основы обеспечения права на защиту до возбуждения уголовного дела

Международно-правовые стандарты защиты прав личности в связи с уголовным преследованием исходят из того, что государство обязано обеспечивать человеку реальные процессуальные гарантии защиты при решении вопроса об уголовной ответственности. В качестве базовых ориентиров традиционно рассматриваются положения Всеобщей декларации прав человека² и Международного пакта о гражданских и политических правах³, закрепляющие презумпцию невиновности и минимальные гарантии защиты при рассмотрении уголовного обвинения.

Так, в п. 1 ст. 11 Всеобщей декларации прав человека установлено, что «каждый человек, обвиняемый в совершении преступления, имеет право

¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30.06.2015 № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.02.2026).

² Всеобщая декларация прав человека (принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН 10 декабря 1948 г.) // Рос. газ. 1998. 10 дек.

³ Международный пакт о гражданских и политических правах (принят 16 декабря 1966 г.) // Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. № 17. Ст. 291 (п. 3 ст. 14).

считаться невиновным до тех пор, пока его виновность не будет установлена путем гласного судебного разбирательства, при котором ему обеспечиваются все возможности для защиты». Указанное положение важно для настоящего исследования постольку, поскольку оно фиксирует принципиальное требование: обеспечение «возможностей для защиты» выступает обязательным элементом процедур, в рамках которых государство формирует и проверяет утверждение о причастности лица к преступлению.

Конкретизация процессуальных гарантий защиты содержится в ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах. В п. 3 ст. 14 Пакта перечислены минимальные права каждого обвиняемого, среди которых для исследуемой темы имеют значение следующие положения: право быть уведомленным «о характере и основании предъявленного ему обвинения» (пп. “а”), право «иметь достаточное время и возможности для подготовки своей защиты» (пп. “b”), а также право «защищать себя лично или посредством выбранного им защитника» (пп. “d”). Эти предписания устанавливают международный стандарт, требующий не формального, а фактического обеспечения возможностей защиты – прежде всего в тех ситуациях, когда действия государственных органов объективно направлены на изобличение лица либо затрагивают его права и свободы в связи с проверкой его возможной причастности.

Национальная конституционная основа обеспечения права на защиту выражена прежде всего в ст. 48 Конституции Российской Федерации, закрепляющей право каждого на получение квалифицированной юридической помощи, а также специальные гарантии пользования помощью адвоката (защитника) для задержанного, заключенного под стражу и обвиняемого. Для темы настоящей работы принципиально, что конституционное право на квалифицированную юридическую помощь имеет более общий характер и не сводится к ситуации, когда лицу уже придан процессуальный статус подозреваемого или обвиняемого.

Уголовно-процессуальное законодательство развивает данные положения через принцип обеспечения права на защиту и через нормы, регулирующие участие адвоката на ранних этапах производства. Так, при

проверке сообщения о преступлении лицам, участвующим в производстве процессуальных действий, должна быть обеспечена возможность реализовывать принадлежащие им права, включая возможность пользоваться услугами адвоката (ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ). В связи с этим особое значение приобретает вопрос о моменте, с которого государство обязано обеспечить не только “абстрактную возможность”, но и реальные гарантии защиты: правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации исходит из того, что соответствующие гарантии не могут зависеть исключительно от формального признания лица подозреваемым или обвиняемым и подлежат обеспечению с момента фактического осуществления в отношении него действий, затрагивающих его права и свидетельствующих о направленности уголовного преследования.

Таким образом, международно-правовые и конституционные основы обеспечения права на защиту задают для национального уголовного процесса обязательный стандарт: государство должно обеспечивать реальность и своевременность гарантий защиты в тех ситуациях, когда в отношении конкретного лица осуществляется деятельность, направленная на проверку его возможной причастности к преступлению и затрагивающая его права и свободы. Универсальные положения Всеобщей декларации прав человека о презумпции невиновности и обеспечении «всех возможностей для защиты», хотя и сформулированы применительно к «обвиняемому», выражают общий правовой принцип недопустимости процедур, при которых лицо фактически оказывается в положении объекта уголовного преследования без доступа к средствам защиты. Указанный принцип конкретизируется в Международном пакте о гражданских и политических правах, который устанавливает минимальные гарантии, обеспечивающие возможность подготовки защиты и участия выбранного защитника, а также своевременное информирование лица о сути предъявляемого обвинения. В совокупности эти предписания закрепляют требование к государству: процессуальные формы, используемые при проверке причастности лица, не должны сводиться к формальному соблюдению процедур - они должны обеспечивать фактическую возможность защиты.

Национальная конституционная модель развивает указанные стандарты через ст. 48 Конституции Российской Федерации, в которой закреплено общее право каждого на получение квалифицированной юридической помощи и специальные гарантии помощи адвоката (защитника) для задержанного, заключенного под стражу и обвиняемого. Уголовно-процессуальный закон фиксирует возможность реализации указанных гарантий и на стадии, возбуждения уголовного дела: в ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ предусмотрено, что лицам, участвующим в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении, должны быть разъяснены их права и обеспечена возможность их осуществления, включая возможность пользоваться услугами адвоката.

Следовательно, в рамках настоящего параграфа может быть сформулирован общий вывод: международные стандарты и конституционные гарантии формируют нормативный ориентир, требующий рассматривать этап до принятия решения о возбуждении уголовного дела как юридически значимую сферу, в которой при определённых условиях должны обеспечиваться гарантии защиты и доступ к адвокату. Этот вывод логически подводит к необходимости последующего анализа: 1) содержания и практического применения ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ; 2) критериев «фактического уголовного преследования»; 3) соотношения юридической помощи адвоката и процессуальной функции защитника в ситуациях, когда формальный статус подозреваемого/обвиняемого отсутствует, но преследовательская направленность действий государства уже проявляется.

§ 3. Отраслевое нормативное регулирование участия защитника в стадии возбуждения уголовного дела

В уголовно-процессуальном законодательстве нормативное регулирование участия адвоката (защитника) на стадии возбуждения уголовного дела формируется на стыке конституционных гарантий квалифицированной юридической помощи и уголовно-процессуальных норм, регламентирующих проверку сообщения о преступлении. В российской модели уголовного судопроизводства именно стадия возбуждения уголовного дела охватывает этап от приема и проверки сообщения о преступлении до принятия решения по результатам такой проверки; соответствующая процессуальная деятельность осуществляется в порядке, установленном статьями 144–145 УПК РФ.

Существенное значение для обеспечения гарантий защиты на данной стадии имеет ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ, введенная Федеральным законом от 04.03.2013 № 23-ФЗ¹. Законодатель закрепил обязанность разъяснять лицам, участвующим в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении, их права и обязанности и обеспечивать возможность осуществления этих прав в той части, в которой совершаемые действия и принимаемые решения затрагивают их интересы, включая возможность пользоваться услугами адвоката. Тем самым право на юридическую помощь было прямо «встроено» в правовую конструкцию проверки сообщения о преступлении и перестало зависеть исключительно от придания лицу формального статуса подозреваемого или обвиняемого.

Вместе с тем участие адвоката на стадии возбуждения уголовного дела не тождественно участию защитника как процессуальной фигуры, статус которой связан с уголовным преследованием лица. УПК РФ связывает допуск защитника с моментами, обусловленными наличием у лица статуса подозреваемого или обвиняемого и (в предусмотренных законом случаях) ситуацией фактического задержания. Поэтому сопоставление ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ и ст. 49 УПК РФ корректно проводить не в целом, а строго в плоскости вопроса: какие гарантии допуска и участия представителя (адвоката) обеспечиваются при проведении процессуальных действий в

¹ Федеральный закон от 04.03.2013 № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2013. № 9. Ст. 875.

порядке ст. 144 УПК РФ и каким образом эти гарантии соотносятся с механизмами допуска защитника, предусмотренными законом для последующих стадий.

Основа для распространения гарантий защиты на этап проверки сообщения о преступлении в действующей правовой системе присутствует не только в ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ, но и в официальных разъяснениях Верховного Суда Российской Федерации. Пленум Верховного Суда Российской Федерации специально указал, что право на защиту принадлежит, в частности, лицу, в отношении которого осуществляются затрагивающие его права и свободы процессуальные действия по проверке сообщения о преступлении в порядке ст. 144 УПК РФ, а также любому иному лицу, права которого существенно затрагиваются мерами, свидетельствующими о направленной против него обвинительной деятельности, независимо от формального процессуального статуса¹. Данная позиция принципиальна для рассматриваемой темы: она снимает искусственную привязку гарантий защиты исключительно к формальному признанию лица подозреваемым/обвиняемым и требует оценивать реальность обеспечения защиты уже на стадии проверки сообщения о преступлении.

Аналогичный подход вытекает и из конституционно-правовых позиций, согласно которым гарантия помощи защитника не должна ставиться в зависимость исключительно от формального статуса лица; обязанность обеспечить соответствующие гарантии возникает с момента фактического осуществления в отношении лица действий, затрагивающих его права и свидетельствующих о направленности уголовного преследования. В контексте стадии возбуждения уголовного дела это означает следующее: если процессуальные действия в порядке ст. 144 УПК РФ по своему характеру и последствиям приобретают направленность на изобличение конкретного лица либо существенно ограничивают его права, государство обязано обеспечить не декларативную, а реальную возможность получения юридической помощи и реализации защиты. Практическая реализуемость указанных гарантий во

¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30.06.2015 № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.01.2026).

многое зависит от процедурных условий допуска адвоката и от недопустимости административных барьеров со стороны органов расследования.

Отдельный аспект нормативного регулирования связан с тем, что результаты процессуальных действий, проведенных до возбуждения уголовного дела, при соблюдении установленных требований могут быть использованы в доказывании. Это усиливает значимость гарантий защиты именно на стадии возбуждения уголовного дела: процессуальные решения и действия, совершаемые в порядке ст. 144 УПК РФ, способны повлиять на последующее положение лица в уголовном процессе, а потому обеспечение реального доступа к юридической помощи и фиксация соблюдения соответствующих гарантий приобретают не только правозащитное, но и доказательственное значение.

В целом действующее регулирование позволяет констатировать: законодатель признал необходимость предоставления адвокатской помощи лицам, вовлекаемым в процессуальные действия при проверке сообщения о преступлении (ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ), а ст. 49 УПК РФ и Верховный Суд РФ подтвердил распространение гарантий права на защиту на этот этап. Вместе с тем сохраняется нормативная и практическая проблема разграничения статусов и объема процессуальных возможностей: на стадии проверки сообщения о преступлении речь идет прежде всего о праве пользоваться услугами адвоката (как форме реализации конституционной гарантии квалифицированной юридической помощи), тогда как статус защитника и связанные с ним процессуальные полномочия в «классическом» виде ориентированы на ситуации наличия подозрения/обвинения в рамках возбужденного уголовного дела. Указанное предопределяет необходимость дальнейшего анализа того, какие именно процессуальные механизмы и гарантии должны обеспечиваться на стадии возбуждения уголовного дела для того, чтобы право на юридическую помощь и право на защиту носили реальный, а не декларативный характер.

В руководящих разъяснениях Верховного Суда Российской Федерации акцентируется необходимость неукоснительного соблюдения гарантий прав

личности на всех стадиях уголовного судопроизводства, включая проверку сообщения о преступлении¹. Применительно к рассматриваемому этапу это означает, что обязанность обеспечить реализацию гарантий защиты не может быть сведена к формальному разъяснению отдельных прав при совершении процессуального действия: существенное значение имеет фактическая обеспеченность доступа к юридической помощи и отсутствие препятствий для участия адвоката, если соответствующее право заявлено лицом.

В целях повышения определенности регулирования Федеральным законом от 04.03.2013 № 23-ФЗ в статью 144 УПК РФ была введена часть 1.1, закрепившая, что лицам, участвующим в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении, разъясняются их права и обязанности и обеспечивается возможность осуществления этих прав в той части, в которой совершаемые действия и принимаемые решения затрагивают их интересы, включая возможность пользоваться услугами адвоката. Тем самым законодатель предусмотрел специальный механизм реализации конституционной гарантии квалифицированной юридической помощи именно до возбуждения уголовного дела - в рамках процедуры проверки сообщения о преступлении.

При оценке объема и характера таких гарантий необходимо учитывать разграничение правовых статусов адвоката и защитника. На стадии проверки сообщения о преступлении (до возбуждения уголовного дела) законодатель говорит прежде всего о праве пользоваться услугами адвоката (как форме реализации ст. 48 Конституции Российской Федерации), тогда как допуск защитника в уголовное дело в “классическом” виде связан с наличием у лица статуса подозреваемого или обвиняемого и регулируется статьей 49 УПК РФ. По этой причине сопоставление части 1.1 статьи 144 и статьи 49 УПК РФ целесообразно проводить не как поиск “противоречия норм”, а как анализ их функционального разграничения: первая норма обеспечивает доступ к квалифицированной юридической помощи при производстве процессуальных действий до возбуждения дела, вторая – устанавливает порядок участия

¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30.06.2015 № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.02.2026).

защитника в рамках возбужденного уголовного дела (при наличии соответствующего процессуального статуса), а также с момента начала осуществления процессуальных действий, затрагивающих права и свободы лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении в порядке, предусмотренном ст. 144 УПК РФ и с момента фактического задержания лица, подозреваемого в совершении преступления.

Нормативные предпосылки участия адвоката на стадии проверки сообщения о преступлении дополняются положениями Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», определяющими общие профессиональные полномочия адвоката при оказании юридической помощи¹. Вместе с тем для целей настоящего параграфа принципиально, что указанные полномочия реализуются в пределах и формах, допускаемых уголовно-процессуальным законом на стадии проверки сообщения о преступлении, и не подменяют собой процессуальные гарантии, закрепленные в УПК РФ.

Таким образом, нормативное регулирование участия адвоката на стадии возбуждения уголовного дела строится на сочетании конституционной гарантии квалифицированной юридической помощи и специальных предписаний уголовно-процессуального закона. Ключевое значение имеет ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ, закрепляющая обязанность разъяснить права лицам, вовлекаемым в процессуальные действия до возбуждения дела, и обеспечить возможность их реализации, включая право пользоваться услугами адвоката. Данная норма ориентирована на устранение правового вакуума ранней стадии и формирует самостоятельный механизм доступа к юридической помощи в процедуре проверки сообщения о преступлении.

Вместе с тем правовое положение адвоката на рассматриваемом этапе не тождественно статусу защитника в смысле ст. 49 УПК РФ: до возбуждения уголовного дела речь идет преимущественно о реализации права на юридическую помощь, тогда как процессуальный статус защитника в стадии возбуждения уголовного дела должным образом не конкретизирован. Это

¹ Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 23. Ст. 2102.

разграничение имеет практическое значение, поскольку позволяет избегать подмены правовых режимов и корректно определять объем допустимых процессуальных гарантий и форм участия адвоката в ходе проверки сообщения о преступлении.

Ранее опоминавшиеся разъяснения Верховного Суда Российской Федерации дополняют законодательную конструкцию и подтверждают распространение гарантий права на защиту на ситуации, когда в отношении лица осуществляются затрагивающие его права и свободы процессуальные действия по проверке сообщения о преступлении. Указанный подход, несмотря на его формирование в контексте допуска адвоката как защитника, имеет значение и для обеспечения доступа к юридической помощи на раннем этапе, поскольку отражает общий стандарт недопустимости произвольного ограничения профессиональной деятельности адвоката.

Следовательно, действующее нормативное регулирование предоставляет основу для участия и адвоката, и защитника в процессуальных действиях до возбуждения уголовного дела, однако эффективность реализации данной гарантии зависит от единообразного понимания статуса защитника на указанной стадии и от практического исполнения обязанности должностных лиц разъяснять права и обеспечивать возможность их осуществления. Это предопределяет необходимость последующего обращения к правоприменительной практике и выявления типичных проблем допуска и участия защитника при проверке сообщения о преступлении.

§ 1. Субъекты права на защиту и основания участия защитника в стадии
возбуждения уголовного дела

Вовлечение профессиональной юридической помощи на ранних этапах уголовного судопроизводства связано с тем, что уже при проверке сообщения о преступлении могут выполняться процессуальные действия, затрагивающие права и свободы конкретного лица, а также формироваться сведения, которые впоследствии используются в доказывании. Законодатель, закрепив в ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ право участников соответствующих действий пользоваться услугами адвоката, фактически признал, что «доследственная» деятельность не является нейтральной для правового положения гражданина и требует специальных гарантий. При этом в правоприменении сохраняются проблемы: размытость процессуального статуса лица, в отношении которого фактически осуществляется проверка; смешение понятий «адвокат» и «защитник»; неоднозначность механизма допуска; формальный подход к реализации права на помощь адвоката; использование объяснений и протоколов явки с повинной, полученных без обеспечения гарантий защиты.

С учетом указанных обстоятельств в настоящей главе термин «адвокат» используется для обозначения лица, имеющего статус адвоката и оказывающего квалифицированную юридическую помощь (ст. 48 Конституции РФ, Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»). Термин «защитник» применяется в строгом процессуальном значении как участник уголовного судопроизводства, допущенный к участию в уголовном судопроизводстве в порядке ст. 49 УПК РФ. Такое разграничение принципиально важно, поскольку на стадии возбуждения уголовного дела и при проверке сообщения о преступлении возможны различные юридические режимы участия адвоката, отличающиеся по объему полномочий и процессуальным последствиям.

Право на защиту в уголовном судопроизводстве традиционно связывается с процессуальным положением подозреваемого и обвиняемого (ст. 16 УПК РФ). Однако гарантийный потенциал рассматриваемого права шире: конституционное право на квалифицированную юридическую помощь принадлежит «каждому», а для задержанного, заключенного под стражу и обвиняемого прямо установлен момент, с которого помощь адвоката-защитника должна быть обеспечена (ст. 48 Конституции РФ, ст. 49 УПК РФ). Следовательно, на ранних этапах до придания лицу статуса подозреваемого возникает, как минимум, должно обеспечиваться право на получение квалифицированной юридической помощи; в зависимости от фактической ситуации оно трансформируется в процессуальное право на защиту в смысле уголовно-процессуального закона.

Субъектами, нуждающимися в обеспечении профессиональной юридической помощи на стадии возбуждения уголовного дела, выступают не только лица, фактически задержанные по подозрению в совершении преступления, но и лица, в отношении которых фактически осуществляются действия, направленные на проверку их причастности к совершению преступления. Именно такую логику отражает ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ, предоставляющая «лицам, участвующим в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении», право, в частности, «пользоваться услугами адвоката», а также право не свидетельствовать против себя и близких (в корреспонденции со ст. 51 Конституции РФ).

Вопрос о том, кто именно относится к «лицам, участвующим в процессуальных действиях» на стадии возбуждения уголовного дела, имеет практическое значение. С одной стороны, круг таких лиц обусловлен перечнем действий, допустимых при проверке сообщения о преступлении, и формами их документирования. С другой стороны, в реальности проверка часто адресно ориентирована на конкретного гражданина: его приглашают (или доставляют) для дачи объяснений, проводят осмотр, освидетельствование, истребуют предметы и документы, получают образцы для сравнительного исследования и т.п. В подобных ситуациях лицо, формально не являясь подозреваемым, фактически оказывается в положении,

близком к «объекту уголовного преследования», поскольку сведения, полученные в ходе проверки, используются для принятия решения о возбуждении дела и могут повлиять на дальнейшую квалификацию и меру процессуального принуждения.

Основания участия именно защитника (как участника процесса) в стадии возбуждения уголовного дела формулируются законом неоднозначно. Помимо относительно конкретизированного основания, связанного с фактическим задержанием, в п. 6 ч. 3 ст. 49 УПК РФ закреплено, что защитник участвует «с момента начала осуществления процессуальных действий, затрагивающих права и свободы лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении в порядке, предусмотренном ст. 144 УПК РФ. Тем самым законодатель попытался «сблизить» две конструкции: 1) право пользоваться услугами адвоката при проверке (ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ) и 2) допуск защитника на максимально ранней стадии (ст. 49 УПК РФ). Однако сопоставление указанных норм выявляет нормативную конкуренцию: ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ говорит об «услугах адвоката», тогда как ст. 49 УПК РФ – о «защитнике», статус которого по общему правилу произведен от наличия подозреваемого или обвиняемого и от существования «уголовного дела» как процессуальной формы. В доктрине обоснованно указывается, что именно эта коллизия затрудняет единообразное понимание пределов участия адвоката/защитника на проверочной стадии и провоцирует смешение терминов в правоприменении и научных работах.

Разрешение проблемы определения круга лиц, которые в стадии возбуждения уголовного дела имеют право на помощь именно защитника, а не адвоката, требует точного ответа на два вопроса: а) когда участие адвоката в проверке является реализацией права на квалифицированную юридическую помощь без оформления статуса защитника; б) когда у адвоката возникают основания быть допущенным именно в качестве защитника. Представляется корректным исходить из следующего. Если процессуальные действия при проверке сообщения о преступлении направлены на получение сведений от лица либо иным образом затрагивают его права и свободы, лицо вправе воспользоваться услугами адвоката в силу ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ независимо

от признания его подозреваемым. Такая модель обеспечивает минимально необходимый стандарт гарантий: консультацию перед дачей объяснений, разъяснение права не свидетельствовать против себя, участие адвоката в фиксации замечаний к протоколам и заявлении ходатайств.

Допуск защитника в смысле ст. 49 УПК РФ логически оправдан тогда, когда проверка фактически приобретает адресный характер в отношении конкретного лица, а совершаемые действия по своему содержанию сопоставимы с действиями, направленными на изобличение (получение «признательных» объяснений, проверка версии о причастности лица и т.п.). В таких случаях применение п. 6 ч. 3 ст. 49 УПК РФ позволяет не ограничиваться «услугами адвоката», а обеспечить гарантии в виде участия защитника (в пределах, допустимых на данной стадии). При этом сам факт отсутствия постановления о возбуждении уголовного дела не должен рассматриваться как препятствие к реализации права на участие защитника, поскольку законодатель прямо «привязал» момент участия к началу процессуальных действий по ст. 49 УПК РФ.

Особую группу субъектов составляют лица, явившиеся с повинной (ст. 142 УПК РФ). В формальном плане явка с повинной относится к поводам к возбуждению уголовного дела и может предшествовать началу проверки в традиционном понимании. Однако по своей природе это сообщение лица о совершенном им деянии, способное породить неблагоприятные процессуальные последствия и создать доказательственную базу против самого сообщившего. Поэтому при оформлении явки с повинной право на квалифицированную юридическую помощь должно быть обеспечено на уровне не ниже гарантий ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ: лицу необходимо разъяснять право не свидетельствовать против себя, предоставлять реальную возможность пригласить адвоката и фиксировать в протоколе позицию лица относительно участия адвоката. Иначе создаются условия для получения самоговора, а также для последующего признания протокола о явке с повинной недопустимым доказательством.

Показательно, что при оценке правовых последствий «явки с повинной» Верховный Суд РФ исходит из самостоятельного значения данного заявления

как обстоятельства, смягчающего наказание. В апелляционном определении от 05.03.2019 № 16-АПУ19-2 Суд указал, что признание протоколов явок с повинной недопустимыми доказательствами по мотиву нарушения права на защиту при их получении не лишает сам факт явки значения смягчающего обстоятельства, поскольку допущенные следственными органами нарушения не могут ухудшать положение лица¹.

Отдельный блок образуют случаи фактического задержания и иные ситуации фактического уголовного преследования, когда лицо объективно находится в положении, требующем защиты, ещё до формального оформления статуса подозреваемого. Конституционный Суд Российской Федерации исходит из того, что гарантии права на защиту не могут ставиться в зависимость исключительно от формального признания статуса, если фактически в отношении лица осуществляется уголовное преследование и затрагиваются его права². В научной литературе подчёркивается, что превращение «момента допуска» в сугубо формальную точку отсчёта создает риск правовой фикции и снижает эффективность гарантий защиты, особенно в ситуациях фактического ограничения свободы³.

Таким образом, субъектами, в отношении которых должна решаться задача обеспечения участия защитника на стадии возбуждения уголовного дела, являются: 1) фактически задержанные по подозрению в совершении преступления лица; 2) лица, в отношении которых проводится проверка сообщения о преступлении и осуществляются процессуальные действия, затрагивающие их права и свободы; 3) лица, дающие объяснения либо иные сведения, способные повлечь их самообвинение; 4) лица, явившиеся с повинной. Основания участия адвоката/защитника определяются совокупностью конституционных гарантий, положений ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ,

¹ Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 05.03.2019 № 16-АПУ19-2 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.02.2026).

² Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27.06.2000 № 11-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 УПК РСФСР в связи с жалобой гражданина В. И. Маслова» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.02.2026).

³ Россинский В.В. Обеспечение защитника с момента фактического задержания: как превратить правовую утопию в действенную гарантию // Вестник экономической безопасности. 2019. № 1. С. 68–71.

п. 6 ч. 3 ст. 49 УПК РФ, а также практикой Верховного Суда РФ, ориентирующей правоприменителя на недопустимость ограничительного подхода к допуску адвоката, а в предусмотренных законом случаях - защитника.

§2. Способы вовлечения защитника в стадии возбуждения уголовного дела

Способы вовлечения профессиональной юридической помощи на стадии возбуждения уголовного дела зависят от того, о каком режиме участия идет речь: участие адвоката как носителя статуса и субъекта оказания квалифицированной юридической помощи либо участие защитника как процессуального участника по ст. 49 УПК РФ. На практике эти режимы могут смешиваться и подменять друг друга, хотя закон исходит из приоритета обеспечения права на помощь адвоката.

Первый, базовый способ вовлечения - приглашение адвоката самим лицом (или по его поручению иными лицами) на договорной основе. С точки зрения процессуального оформления ключевыми документами выступают удостоверение адвоката и ордер. При этом в случаях, когда адвокат вступает в уголовное судопроизводство в качестве защитника, позиция Верховного Суда РФ исходит из уведомительного, а не разрешительного порядка: для вступления «достаточно предъявить удостоверение и ордер», а требование иных документов и принятие «разрешительного» решения неправомерны¹. Данный подход принципиален и для стадии возбуждения уголовного дела.

Второй способ - обеспечение защитника по назначению (ст. 50 УПК РФ) при наличии оснований обязательной защиты либо при невозможности приглашения адвоката самим лицом, в отношении которого ведется производство. На стадии возбуждения уголовного дела это приобретает

¹ Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2020) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 22.07.2020) (п. 52 — Определение № 83-УД20-1) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.02.2026).

значение прежде всего в ситуациях фактического задержания, доставления и иных форм ограничения свободы. Конструкция «фактического задержания» опасна тем, что разрыв между реальным ограничением свободы и процессуальным оформлением статуса подозреваемого создает неопределенность в реализации права на защиту: до составления протокола задержания лицо фактически удерживается, дает объяснения, подписывает документы, при этом участие защитника не всегда возможно обеспечить безотлагательно с момента фактического задержания. Представляется вполне справедливым и обоснованным, что обязанность обеспечить участие защитника должна связываться не с ведомственной подследственностью и не с моментом передачи материалов следователю (дознавателю), а с самим фактом осуществления публично-властных полномочий по отношению к лицу, чьи права ограничиваются. Для стадии возбуждения уголовного дела это означает: если лицо фактически лишено свободы и принуждается к контакту с правоохранительным органом, обеспечение защитника не может быть отложено до возбуждения дела или до «формального» задержания.

Третий возможный способ - вовлечение адвоката в связи с осуществлением процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении (ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ). Здесь инициатором участия обычно выступает само лицо: оно заявляет ходатайство о желании воспользоваться услугами адвоката или прямо сообщает о невозможности давать объяснения без консультации. Эффективность данного механизма зависит от того, насколько правоприменитель воспринимает право на помощь адвоката как реальную гарантию, а не как факультативное «пожелание». Последнее противоречит смыслу ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ: законодатель специально распространил минимальные гарантии на стадию возбуждения уголовного дела именно потому, что получение объяснений может затрагивать право не свидетельствовать против себя и создавать доказательственные риски. Однако в этом случае для лица, осуществляющего проверку, не предусмотрено обязанности обеспечения участия адвоката по аналогии участия защитника по назначению.

Особый порядок должен применяться в случаях явки с повинной. Несмотря на отсутствие в ст. 142 УПК РФ прямого указания на обязательность адвоката, правовые последствия явки требуют обеспечения хотя бы возможности участия адвоката по просьбе лица. Практика Верховного Суда РФ демонстрирует, что при нарушении права на защиту при получении явки с повинной соответствующие протоколы могут быть признаны недопустимыми доказательствами. Это требует от дознавателя и следователя процессуально корректного поведения: разъяснения лицу ст. 51 Конституции РФ, фиксации волеизъявления относительно адвоката, предоставления времени и возможности связаться с адвокатом, а при объективной невозможности немедленного участия - документирования причин и обеспечения иных компенсирующих гарантий.

Отдельного внимания заслуживает проблема «пограничных» ситуаций, когда лицо формально ещё не подозреваемый, но фактически уже сталкивается с действиями, направленными на изобличение. Именно здесь возникают основные риски: должностные лица могут квалифицировать происходящее как «доследственную проверку», фактически получая доказательственную информацию без надлежащих гарантий защиты. С учётом этого правоприменительный стандарт должен строиться на презумпции необходимости обеспечить возможность участия адвоката при первом же заявлении лица о таком желании, а не на формальном ожидании процессуального статуса, который может быть оформлен существенно позже¹.

Наконец, четвертый способ вовлечения защитника связан с последующим судебным и прокурорским контролем: если должностное лицо отказало в допуске адвоката или фактически лишило лицо возможности воспользоваться помощью, защита вправе обжаловать действия (бездействие) в порядке ст. 124–125 УПК РФ. Практическая значимость такого способа в стадии возбуждения уголовного дела высока, поскольку именно через механизм жалоб нередко удается «зафиксировать» нарушение и сформировать

¹ Мешков М. В., Орлова А. А. Адвокат в стадии возбуждения уголовного дела // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 7. С. 182–186.

основания для признания полученных материалов недопустимыми либо для восстановления нарушенных прав на дальнейших стадиях.

Таким образом, способы вовлечения защитника на стадии возбуждения уголовного дела включают: приглашение защитника по соглашению; обеспечение защитника по назначению при наличии оснований; участие адвоката по соглашению при производстве процессуальных действий по проверке сообщения о преступлении; участие адвоката при оформлении явки с повинной по просьбе явившегося с повинной лица. Также немаловажным является использование механизмов прокурорского и судебного контроля при необоснованных отказах в допуске защитника.

Судебная практика Верховного Суда РФ конкретизирует порядок допуска защитника к участию в проверке сообщения о преступлении и пределы усмотрения должностных лиц, осуществляющих проверку. В пункте 52 Обзора судебной практики Верховного Суда РФ № 2 (2020) (Определение № 83-УД20-1) разъяснено, что для участия адвоката на данной стадии достаточно предъявления удостоверения и ордера; требование иных документов (в том числе «согласия» лица, дающего объяснения) не предусмотрено, а порядок допуска носит уведомительный характер¹.

Вместе с тем надлежащее отражение в документах проверки сообщения о преступлении факта разъяснения прав лицу, в отношении которого проводятся проверочные мероприятия, имеет ключевое значение для последующей оценки допустимости полученных сведений. Так, в определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 15.10.2019 № 14-АПУ19-7СП суд признал правомерным получение объяснений на стадии проверки сообщения о преступлении, поскольку лицу были разъяснены положения ст. 51 Конституции РФ, а также права, предусмотренные ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ, включая право пользоваться услугами адвоката и право на

¹ Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2020) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 22.07.2020) (п. 52 — Определение № 83-УД20-1) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.02.2026).

обжалование действий должностных лиц; полученные объяснения признаны допустимыми доказательствами¹.

¹ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 15.10.2019 № 14-АПУ19-7СП // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.02.2026).

Раскрытие полномочий защитника на стадии возбуждения уголовного дела требует учета двойственной правовой природы участия адвоката на ранних этапах. С одной стороны, адвокат действует как субъект оказания квалифицированной юридической помощи, руководствуясь Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»¹ и профессиональными стандартами. С другой стороны, при наличии оснований, предусмотренных ст. 49 УПК РФ, он может выступать в качестве защитника - участника уголовного судопроизводства, наделенного процессуальными правами и обязанностями. Непонимание различий между этими уровнями и приводит к ошибкам: либо полномочия неоправданно «сужаются» до консультаций, либо, напротив, механически переносятся полномочия защитника из стадии предварительного расследования на ситуацию доследственной проверки, где не все из них реализуемы в полном объеме.

С учетом позиции отдельных авторов² и содержания нормативных актов, в режиме оказания квалифицированной юридической помощи (без оформления статуса защитника) ключевыми полномочиями адвоката являются: разъяснение прав и правовых последствий дачи объяснений; консультирование по реализации ст. 51 Конституции РФ; выработка позиции относительно участия в проверочных действиях; содействие в подготовке заявлений и ходатайств; присутствие при даче объяснений лицом, которому он оказывает юридическую помощь, обеспечение фиксации замечаний к протоколам и заявлений о нарушениях; а также по окончании дачи объяснений (производства иных проверочных действий с участием доверителя) заявления о нарушенных правах и законных интересах

¹ Федеральный закон от 31.05.2002 N 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 20.01.2026).

² Кудник С.В. Роль адвоката на стадии возбуждения уголовного дела // Вестник Воронежского института МВД России. 2022. № 2. С. 146–150.

представляемого лица, что подлежит занесению в процессуальный документ, который отражает результаты соответствующего процессуального действия. Кроме того, возможен сбор документов и сведений в интересах доверителя в порядке, предусмотренном Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (в частности, путем направления адвокатских запросов). Значение этих полномочий на стадии возбуждения уголовного дела состоит в том, что они направлены на предупреждение процессуальных нарушений и ошибок, которые впоследствии трудно исправить.

Если адвокат допущен в качестве защитника в порядке ст. 49 УПК РФ (в том числе по основанию п. 6 ч. 3 ст. 49 УПК РФ), объем его полномочий должен определяться, исходя из ст. 53 УПК РФ, с учетом специфики стадии. Системный анализ позволяет сделать вывод, что защитник вправе активно использовать предусмотренные законом средства защиты: участвовать в процессуальных действиях, проводимых с участием доверителя; заявлять ходатайства; приносить жалобы на действия и решения; представлять предметы и документы; пользоваться иными правами, направленными на обеспечение интересов лица. Исходя из п.3 ст.6 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ», закреплены полномочия адвоката, некоторые из них могут использоваться защитником в стадии возбуждения уголовного дела. Так, например, адвокат вправе принимать участие в сборе сведений (которые могут так или иначе предрешить вынесение итогового процессуального решения), беспрепятственно встречаться с доверителем, привлекать специалистов на договорной основе, фиксировать информацию, содержащуюся в материалах проверки, опрашивать лиц с их согласия¹.

При этом реализация отдельных прав (например, ознакомление со всем массивом материалов проверки) может сталкиваться с ограничениями, связанными с отсутствием возбужденного дела. Однако такие ограничения не могут превращаться в полный запрет на использование защитником процессуальных инструментов, поскольку это бы делало бессодержательным

¹ Кудник С.В. Роль адвоката на стадии возбуждения уголовного дела // Вестник Воронежского института МВД России. 2022. № 2. С. 146–150.

сам институт допуска защитника «с момента начала процессуальных действий» в порядке ст. 144 УПК РФ или с момента фактического задержания.

Унифицированный минимум полномочий, подлежащий обеспечению в любой ситуации участия адвоката/защитника на стадии возбуждения уголовного дела, включает: 1) право присутствовать при получении объяснений (либо иных сведений) и до начала действия конфиденциально консультировать доверителя; 2) право заявлять возражения замечания и возражения по ходу процессуального действия с участием доверителя и при составлении процессуальных документов, отражающих ход и результаты проведенного действия; 3) право добиваться отражения в процессуальных документах всех существенных обстоятельств, в том числе разъяснения ст. 51 Конституции РФ, факта заявления ходатайств; 4) право обжаловать отказ в допуске (в пределах, допускаемых ст. 124–125 УПК РФ).

Наличие у адвоката/защитника указанных полномочий прямо связано с вопросом допустимости доказательственной информации, полученной на стадии возбуждения уголовного дела. Суды в ряде случаев признают недопустимыми сведения, добытые при фактическом ограничении свободы и отсутствии обеспечения права на помощь адвоката, а также материалы, полученные при игнорировании заявленного лицом требования о допуске защитника. Показателен подход Верховного Суда РФ по делам, где протоколы явки с повинной оценивались через призму соблюдения права на защиту: при установлении нарушений соответствующие протоколы могут исключаться из числа допустимых доказательств, что, в свою очередь, влияет на общую доказательственную конструкцию обвинения. Аналогичный смысл имеет и практика кассационных судов общей юрисдикции, фиксирующая недопустимость использования объяснений, полученных в ходе следственной проверки без обеспечения минимальных гарантий защиты, особенно когда объяснения фактически подменяют собой допрос.

Нарушения прав лица на ранней стадии ведут к исключению соответствующих сведений из доказательственной базы. Так, в постановлении Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 01.02.2024 по делу № 77-29/2024 суд указал, что «объяснение» лица, полученное до возбуждения

уголовного дела без разъяснения права пользоваться услугами адвоката и без обеспечения иных гарантий, предусмотренных ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ, не может использоваться в качестве доказательства виновности; судебные решения были изменены, а ссылки на данные сведения исключены из мотивировочной части¹.

Схожий подход реализован в постановлении Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 22.12.2023 по делу № 77-3879/2023: протокол «объяснений» признан недопустимым, поскольку при их получении лицу не разъяснялись права, предусмотренные ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ (в том числе право на помощь адвоката и право на обжалование действий должностных лиц); как следствие, соответствующие сведения и производные доказательства исключены из совокупности доказательств, а приговор изменён².

Вместе с тем реализация полномочий защитника на стадии возбуждения уголовного дела сталкивается с несколькими устойчивыми проблемами.

Во-первых, получение объяснений, по фактическому содержанию вопросов и целей совпадает с допросом, но гарантии (включая порядок предупреждения об ответственности, обязательность разъяснения прав и обеспечение участия защитника при заявлении такой просьбы) не всегда могут быть обеспечены в должном объеме. В подобных случаях участие адвоката/защитника призвано препятствовать созданию «квазидопроса», фиксировать нарушения и обеспечивать последующую проверку допустимости полученных сведений.

Во-вторых, отсутствует единообразная практика предоставления адвокату доступа к материалам проверки, что существенно сужает возможность формировать позицию и заявлять мотивированные ходатайства. На данном этапе защита нередко располагает только теми документами, которые составлены с участием доверителя, тогда как остальные материалы проверки остаются для нее закрытыми. Это снижает эффективность

¹ Постановление Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 01.02.2024 по делу № 77-29/2024 // СПС «КонсультантПлюс» (либо ГАС «Правосудие») (дата обращения: 10.02.2026).

² Постановление Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 22.12.2023 по делу № 77-3879/2023 // СПС «КонсультантПлюс» (либо ГАС «Правосудие») (дата обращения: 10.02.2026).

состязательных начал и объективно усиливает информационное преимущество стороны обвинения еще до возбуждения дела.

В-третьих, проблема фактического задержания и доставления остается одним из наиболее конфликтных узлов. Если участие защитника увязывается исключительно с формальным оформлением задержания, то право на защиту превращается в декларацию. Поэтому при оценке действий должностных лиц следует исходить из фактических обстоятельств: когда лицо реально лишено свободы передвижения и вынуждено взаимодействовать с органом власти, обязанность обеспечить помощь адвоката возникает независимо от того, оформлены ли документы о задержании и возбуждено ли уголовное дело.

В-четвертых, недостаточно урегулированы полномочия адвоката при оформлении явки с повинной. Хотя закон не предусматривает обязательного участия защитника, правоприменитель должен обеспечить реальную возможность воспользоваться помощью адвоката и зафиксировать в протоколе соблюдение гарантий против самообвинения. Отсутствие таких гарантий создает риск признания протокола явки с повинной недопустимым доказательством, а также ставит под сомнение добровольность и достоверность признательных сведений.

С учетом изложенного можно сделать вывод, что полномочия защитника на стадии возбуждения уголовного дела должны пониматься не как «усеченные» по сравнению с предварительным расследованием, а как функционально адаптированные к целям стадии: предотвращение самоговора, обеспечение добровольности и достоверности получаемых сведений, фиксация процессуально значимых обстоятельств и обеспечение эффективного контроля за законностью действий должностных лиц. На уровне правоприменения это предполагает отказ от разрешительного подхода к допуску адвоката, документирование всех заявленных ходатайств и разъяснение права на юридическую помощь в каждом случае, когда процессуальные действия затрагивают права и свободы лица, а также формирование устойчивой практики признания недопустимыми сведений, полученных при игнорировании гарантий защиты.

На стадии возбуждения уголовного дела участие адвоката и (при наличии оснований) защитника является ключевым инструментом обеспечения конституционных гарантий и предупреждения необратимых процессуальных последствий, связанных с получением признательных объяснений, оформлением явки с повинной и фактическим ограничением свободы. Эффективность участия напрямую зависит от корректного разграничения статусов «адвокат» и «защитник», от соблюдения уведомительного порядка допуска, а также от реального, а не декларативного обеспечения полномочий защиты при проверке сообщения о преступлении.

Проведённое исследование было направлено на комплексный анализ права на защиту до возбуждения уголовного дела, то есть в период, когда уголовно-процессуальная деятельность уже способна затрагивать права и свободы конкретного лица, однако формальный процессуальный статус подозреваемого или обвиняемого ещё отсутствует либо оформляется позднее фактического начала указанной деятельности. Актуальность темы обусловлена тем, что именно на ранних этапах проверки сообщения о преступлении (включая оформление явки с повинной, получение объяснений, освидетельствование и иные процессуальные действия) нередко формируются сведения, которые впоследствии используются в доказывании, а допущенные на данном этапе нарушения зачастую носят необратимый характер и влияют на допустимость доказательств и законность итогового решения.

В первой главе были рассмотрены теоретические и нормативные основы права на защиту и проведено принципиальное разграничение двух близких, но не тождественных категорий: права на защиту как уголовно-процессуальной гарантии противодействия уголовному преследованию и права на получение квалифицированной юридической помощи как конституционного права каждого. Это разграничение имеет прикладное значение для исследуемой стадии: до принятия решения о возбуждении уголовного дела речь чаще всего идёт о реализации права пользоваться услугами адвоката (как формы юридической помощи), тогда как статус защитника в строгом процессуальном смысле связан с условиями допуска по правилам уголовно-процессуального закона. По результатам проведенного анализа установлено, что международные стандарты и конституционные положения задают требование не формального, а реального обеспечения возможностей защиты; указанная идея получает развитие в правовых позициях высших судебных инстанций, ориентирующих правоприменителя на учет фактического положения лица, а не только его формального статуса.

Во второй главе выявлены ключевые особенности вовлечения адвоката (защитника) и реализации полномочий защитника на стадии возбуждения уголовного дела. Установлено, что законодательное закрепление права лиц, участвующих в процессуальных действиях при проверке сообщения о преступлении, пользоваться услугами адвоката (ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ) стало существенным шагом к устранению ранее существовавшего правового вакуума и к переносу гарантий юридической помощи на «доследственную» сферу. Вместе с тем анализ показал сохранение системных проблем, препятствующих эффективной реализации данного положения и норм, регламентирующих участие защитника.

Во-первых, сохраняется неопределённость процессуального положения лица, вовлекаемого в проверочные действия. На практике проверка сообщения о преступлении нередко приобретает адресный характер и фактически направлена на изобличение конкретного гражданина, однако формально он продолжает выступать как «лицо, дающее объяснения» либо «лицо, участвующее в процессуальном действии», без соответствующих гарантий защиты, традиционно связываемых со статусом подозреваемого. В результате возникает риск подмены процессуальных форм.

Во-вторых, подтверждена проблема смешения статусов адвоката и защитника. В научной и правоприменительной плоскости встречается подход, при котором участие адвоката в проверке сообщения о преступлении фактически воспринимается как участие защитника, что приводит либо к необоснованному «расширению» процессуального режима защитника, либо — что встречается чаще — к ограничительному выводу о полномочиях защитника до возбуждения дела. Исследование показывает, что корректным является функциональный подход: на раннем этапе обеспечивается прежде всего право на юридическую помощь и участие адвоката, а при наличии предусмотренных законом оснований допускается участие именно защитника; при этом отказ в допуске и затягивание участия адвоката превращают гарантию в декларацию.

В-третьих, значимым практическим моментом остаётся вопрос о процессуальном порядке допуска защитника в рассматриваемой стадии.

Верховный Суд Российской Федерации в Обзоре судебной практики № 2 (2020) (п. 52, Определение № 83-УД20-1) последовательно исходит из того, что вступление адвоката в дело носит уведомительный характер, а требование документов сверх удостоверения и ордера не основано на законе. Данная позиция имеет принципиальное значение и для ранних этапов: любые административные барьеры, «разрешительный» подход либо фактическое игнорирование просьбы о допуске адвоката препятствуют реализации права на юридическую помощь и создают основания для последующей процессуальной оценки допустимости полученных сведений.

В-четвёртых, отдельного внимания требует явка с повинной. Проведенное исследование показала, что проблема обеспечения юридической помощи лицу, явившемуся с повинной, не может рассматриваться как факультативная: по своему содержанию явка с повинной представляет собой самоинкриминирующее сообщение, способное лечь в основу обвинения и повлечь неблагоприятные правовые последствия. Позиции Верховного Суда РФ по конкретным уголовным делам демонстрируют, что при оценке явки с повинной суд обязан проверять соблюдение гарантий добровольности и обеспеченности прав лица, включая реальность возможности воспользоваться помощью адвоката и отсутствие давления. Следовательно, обеспечение юридической помощи на данном этапе должно рассматриваться как необходимый стандарт надлежащей процедуры, а игнорирование соответствующих гарантий повышает риск признания доказательственных сведений недопустимыми.

В-пятых, проведенный анализ подтвердил особую проблемность ситуаций фактического задержания лица, подозреваемого в совершении преступления, а также проведения проверки в отношении конкретного лица. Конституционно-правовая позиция исходит из того, что гарантии права на защиту не могут зависеть исключительно от формального оформления статуса, если по факту в отношении лица осуществляются действия изобличающего характера и затрагиваются его права и свободы. Следовательно, любые попытки «сдвинуть» момент обеспечения юридической помощи на более поздний этап (после возбуждения дела, после составления

протокола задержания, после передачи материалов по подследственности) противоречат смыслу гарантий защиты и требуют критической оценки с точки зрения допустимости полученных сведений.

Эмпирическая база исследования (правовые позиции Конституционного Суда РФ, разъяснения Пленума Верховного Суда РФ, положения Обзора судебной практики Верховного Суда РФ № 2 (2020), а также проанализированные судебные акты по конкретным делам, включая акты кассационных судов общей юрисдикции) позволила обосновать, что судебный контроль фактически использует единый критерий: при решении вопроса о допустимости доказательств и оценке добровольности признательных сведений суд исследует не декларативное наличие «права», а то, была ли у лица реальная возможность воспользоваться юридической помощью и были ли обеспечены базовые гарантии против самооговора. В делах, где объяснения и иные сведения добывались при отсутствии реального доступа к адвокату либо при формальном разъяснении прав без обеспеченности их реализации, суды приходят к выводу о существенности нарушения и, в зависимости от обстоятельств, исключают доказательства либо признают соответствующие сведения недопустимыми доказательствами, что влияет на устойчивость обвинительной позиции.

Можно констатировать, что цель исследования достигнута: раскрыта нормативная конструкция права на защиту до возбуждения уголовного дела, выявлены ключевые проблемные зоны правоприменения, показана роль судебной практики в формировании стандартов допуска адвоката и оценки допустимости ранних доказательственных сведений, а также предложены меры, направленные на согласование практики с конституционными и уголовно-процессуальными гарантиями. Практическая значимость результатов заключается в возможности их использования при подготовке методических рекомендаций для органов дознания и предварительного следствия, в образовательном процессе, а также при оценке судами допустимости сведений, полученных на стадии проверки сообщения о преступлении. Проведенное исследование подтверждает необходимость дальнейшего развития доктрины ранних гарантий защиты, прежде всего в

части унификации критериев «фактического уголовного преследования», процессуальной природы объяснений и правовых стандартов оформления явки с повинной с обеспечением реального доступа к юридической помощи.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Нормативные правовые акты и иные официальные документы

1. Конституция Российской Федерации: [принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. : с учетом поправок, внес. законами Рос. Федерации о поправках к Конституции Рос. Федерации от 30 дек. 2008 г. № 6-ФКЗ, 30 дек. 2008 г. № 7-ФКЗ, 5 февр. 2014 г. № 2-ФКЗ, 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ, 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ, от 4 окт. 2022 г. № 5-ФКЗ, от 4 окт. 2022 г. № 6-ФКЗ, от 4 окт. 2022 г. № 7-ФКЗ, от 4 окт. 2022 г. № 8-ФКЗ] // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2014. – № 31, ст. 4398; Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 15.09.2025).

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : [Федер. закон от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ : принят Гос. Думой РФ 22 нояб. 2001 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52, ч. 1, ст. 4921.

3. О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 9, ст. 875.

4. Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации : Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 23. Ст. 2102.

5. Всеобщая декларация прав человека (принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН 10 декабря 1948 г.) // Рос. газ. 1998. 10 дек.

6. Международный пакт о гражданских и политических правах (принят 16 декабря 1966 г.) // Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. № 17. Ст. 291 (п. 3 ст. 14).

Монографии, учебники, учебные пособия

7. Печников Н.Т. Обеспечение подозреваемому и обвиняемому права на защиту. – Тамбов, 2021. – 78 с.

8. Шимановский В.В. Привлечение в качестве обвиняемого на предварительном следствии. – Л., 1983. – 47 с.

Научные публикации и статьи в иных периодических изданиях

9. Абузова Е.А. Принцип обеспечения подозреваемому и обвиняемому права на защиту в уголовном процессе: сущность, отличие от смежных понятий // Молодой ученый. – 2024. – № 4(503). – С. 235-237.

10. Висков Н.В. Право на защиту в уголовном процессе: содержание и юридические гарантии в системе некоторых религиозных связей // Научный журнал юридических исследований. – 2017. – № 12(14). – С. 237-247.

11. Гладченкова С.В., Рудакова И.В. Право на защиту в уголовном процессе России: теоретические основы и отдельные аспекты реализации // Вестник Воронежского института МВД России. – 2022. – № 3. – С. 208-214.

12. Кудник С.В. Роль адвоката на стадии возбуждения уголовного дела // Вестник Воронежского института МВД России. – 2022. – № 2. – С. 146–150.

13. Мешков М.В., Орлова А.А. Адвокат в стадии возбуждения уголовного дела // Вестник Московского университета МВД России. – 2015. – № 7. – С. 182–186.

14. Михайлова Е.В. Конституционно-правовые гарантии права на судебную защиту и проблемы их реализации // Правовое государство: теория и практика. – 2023. – № 2(72). – С. 46 -52.

15. Овсянников И.В. Об участии адвоката-защитника на начальных этапах досудебного производства // Российская юстиция. – 2024. – № 7. – С. 23 - 29.

16. Россинский В.В. Обеспечение защитника с момента фактического задержания: как превратить правовую утопию в действенную гарантию // Вестник экономической безопасности. – 2019. – № 1. – С. 68–71.

17. Щербакова П.М. Принцип обеспечения права на защиту в российском уголовном процессе // Уголовно-процессуальное право - уроки

истории и проблемы сегодняшнего дня : сборник материалов Всероссийской научной студенческой конференции, Пермь, 25 декабря 2024 г. – Пермь: Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2025. – С. 134-136.

18. Шатыхов А.А. Участие защитника при проверке сообщения о преступлении: проблемы законодательной регламентации и правоприменения // Уголовная юстиция. – 2019. – № 14. – С. 59–63.

Интернет-ресурсы

19. Официальный интернет-портал правовой информации.
URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

20. Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации.
URL: <https://www.vsrfr.ru>.

Эмпирические материалы

21. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 июня 2015 г. № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве» // СПС «КонсультантПлюс».

22. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2016 г. № 55 «О судебном приговоре» // СПС «КонсультантПлюс».

23. Определение Конституционного Суда РФ от 17 декабря 2009 г. №1622-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Афанасенко Сергея Владимировича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 52 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» - URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1694208/>.

24. Определение Конституционного Суда РФ от 24 сентября 2012 г. № 1617-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Федыны Евгения Николаевича на нарушение его конституционных прав положениями статей 50, 51, 52, 72 и пункта 1 части второй статьи 75 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». - URL: <https://base.garant.ru/70242898/>.

25. Определение Конституционного Суда РФ от 28 мая 2013 г. №799-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Федорова Николая Николаевича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 52 и частью первой статьи 72 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, частью третьей статьи 18 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

26. Определение Конституционного Суда РФ от 29 сентября 2015 г. №1854-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Меньшенина Евгения Сергеевича на нарушение его конституционных прав статьями 51 и 52 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» -URL : <https://base.garant.ru/71219364/>.

27. Определение Конституционного Суда РФ от 28.01.2016 №114-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Бартковского Олега Брониславовича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 52 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» - URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-28012016-n-114-o/>.

28. Определение Конституционного Суда РФ от 27 февраля 2018 г. №261-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Петушкова Романа Григорьевича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 52 и частью первой статьи 88 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» - URL : <https://base.garant.ru/71905094/>.

29. Определение Конституционного Суда РФ от 28 июня 2018 г. №1409-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Зубкова Дмитрия Борисовича на нарушение его конституционных прав частью четвертой статьи 50 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» - URL: <https://base.garant.ru/71990408/>.

30. О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 июня 2015г. №29 // Бюллетень Верховного суда Российской Федерации. 2015. №9.

31. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27.06.2000 № 11-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 УПК РСФСР в связи с жалобой гражданина В.И. Маслова» // СПС «КонсультантПлюс».

32. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2020) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 22.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс».

33. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30.06.2015 № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве» // СПС «КонсультантПлюс».

34. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 05.03.2019 № 16-АПУ19-2 // СПС «КонсультантПлюс».

35. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27.06.2000 № 11-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 УПК РСФСР в связи с жалобой гражданина В. И. Маслова» // СПС «КонсультантПлюс».

36. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2020) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 22.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс».

37. Постановление Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 01.02.2024 по делу № 77-29/2024 // СПС «КонсультантПлюс».

38. Постановление Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 22.12.2023 по делу № 77-3879/2023 // СПС «КонсультантПлюс».